

Т. А. Попова

Древние культуры Сибири

(по материалам археологического собрания МАЭ)

Богатейшее и единственное в своем роде Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР было основано в 1894 г., а первые археологические поступления его связаны с созданием Петром I Кунсткамеры (1714 г.).¹

В настоящее время Археологический отдел МАЭ хранит около тысячи коллекций, число предметов в них достигает 400 тыс.² Среди многочисленных коллекций отдела значительное место занимают интереснейшие материалы по культуре древнего населения территории Сибири и Дальнего Востока. Более 130 лет отделяет нас от того времени, когда в 1856 г. в Этнографический музей от Л. И. Шренка поступили первые происходящие с Сибирской земли археологические материалы (кол. 35), положившие начало созданию сибирской части Археологического собрания. На сегодняшний день в отделе содержится 204 коллекции, в которых насчитывается почти 65 000 предметов. Эти комплексы отражают значительное число древних культур Сибири как большого хронологического диапазона — от эпохи позднего палеолита до средневековья, так и широкого регионального охвата. Они происходят буквально из всех историко-этнографических областей Сибири: Западной Сибири, лесостепной части Южной Сибири (между реками Енисеем и Леной), Алтае-Саян, Амурско-Приморского края, крайнего Северо-Востока, а также Сахалина, Камчатки и Курильских о-вов.

Что касается степени изученности материала, то определенная его часть относится к категории случайных находок и содержит, как правило, небольшое число предметов. Такие материалы поступили от различных частных лиц (студентов, геологов и т. п.) или были переданы Императорским Русским географическим обществом. Другая, большая часть получена в результате разведок и систематических раскопок древних местонахождений. В дореволюционный период их инициатором был Русский комитет. Важную роль сыграли полевые исследования и сотрудников отдела в конце XIX—начале XX в. на Енисее, в Прибайкалье, на Амуре (И. Т. Савенкова, Л. Я. Штернберга, Б. Э. Петри). Крупные заслуги в изучении прошлого Сахалина принадлежат известному русскому естествоиспытателю, ученому хранителю Зоологического музея Академии наук И. С. Полякову. В советское время большой вклад в дело накопления коллекций внесли многие сотрудники Археологического отдела МАЭ, этому способствовали экспедиции ГАИМК — ИИМК, Зоологического музея, проводившие исследования на территории Сибири.

¹ Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. 239 с.; Она же. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // Сб. МАЭ. 1964. Т. 22. С. 5—150.

² Нечаева Л. Г., Попова Т. А., Федоров В. В., Фрадкин Э. Е. Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР // Там же. С. 151—168.

Таким образом, полевые исследования сотрудников отдела и их большая собирательская деятельность по концентрации материалов, добытых рядом известных ученых, привели к появлению в МАЭ значительного количества ценных материалов, освещавших различные эпохи первобытной истории Сибири. Отметим, что подавляющее большинство археологических коллекций передано в дар Музею и очень малая их доля относится к покупным.

Переходя к характеристике древних культур Сибири по материалам коллекций, следует сказать, что основные сведения о них приведены исходя из хронологического членения первобытного общества, установленного в советской археологии (палеолит, неолит, бронза, железо). В таблице, сопровождающей текст статьи, материалы коллекций располагаются также в хронологическом порядке и с учетом географических данных, в пределах которых соблюден алфавитный принцип. Надо иметь в виду, что многие коллекции содержат материалы разного времени, это отражено при первом указании на коллекцию. Таблица имеет сквозную нумерацию для всех памятников Сибири.

Начальные этапы заселения Восточной Сибири человеком, его культуру характеризуют материалы из раскопок 9 стоянок-стойбищ первобытных охотников на мамонта и северного оленя эпохи позднего (верхнего) палеолита. Хозяйство Сибири в позднепалеолитическое время имело свои особенности, что сказалось на специфике некоторых орудий труда и предметов искусства.³

Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе (I, III), Кокорево I (Забочка), Кокорево II, III, IV, Переселенческий пункт и Бирюса локализованы на р. Енисей в районе Красноярска. Стоянка Малъта расположена восточнее первых, в Иркутской обл., на р. Белой, притоке Ангары (табл., № 1—4).

Как известно, для этой области азиатской части СССР по геологической периодизации верхнего плейстоцена установлены две фазы оледенения — зирянская и сартанская, разделенные каргинским межледником. Учет этих данных позволил специалистам подразделить памятники позднего палеолита Восточной Сибири на три временные группы: памятники времени каргинского межледника, начала сартанского оледенения и второй половины сартанского оледенения.⁴

Наиболее древним из перечисленных памятников является широко известная ангарская стоянка Малъта в Прибайкалье, относящаяся ко второй группе поселений. Открытая в 1929 г. М. М. Герасимовым,⁵ она изучалась исследователем в 30-е и 60-е гг. Отдел располагает материалами раскопок 1932 и 1934 гг., содержащими почти 6000 предметов. Мальтинский комплекс включает своеобразный каменный инвентарь, изготовленный из серого полосчатого ангарского кремня (резчики, скребки, проколки, острия). Отсутствуют вкладышевые орудия и типичные клиновидные нуклеусы. Небольшим числом представлены диски, отличающиеся от мустьевских дисковидных нуклеусов. Среди костяных орудий и предметов выделяются острия, иглы. Интересен набор украшений — браслеты, бусы из кости, позвонков, кальцита, подвеска-амulet из кристалла кальцита с поперечными насечками для подвешивания. К произведениям первобытного искусства относятся оригинально выполненные костяные скульптурные изображения водоплавающих птиц в полете, не имеющие себе равных в палеолитическом искусстве Евразии, а также фрагменты пластин бивня мамонта с орнаментом, нарезками. Особенностью памятника являются женские фигурки из бивня мамонта, отличающиеся манерой изготовления от европейских статуэток.⁶ В данном комплексе имеется, к сожалению, лишь один невыразительный фрагмент женской фигурки (длина 4,5 см). По содержанию великолепных образцов первобытного искусства Малъта находится в одном

³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 1. Древняя Сибирь. 454 с.

⁴ Палеолит СССР. М., 1984. Сер. Археология СССР. С. 311.

⁵ Герасимов М. М. Палеолитическая стоянка в Малъте // Сообщ. ГАИМК. 1931. № 11—12. С. 55—57.

⁶ Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., 1962. 85 с., 63 отд. л. ил. (САИ А4-3).

ряду с западноевропейскими стоянками и палеолитическими местонахождениями Русской равнины. Любопытно, что в отличие от других стоянок Северной Азии Мальта наряду с Буретью являются единственными памятниками, содержащими произведения искусства.

Совокупность многих данных позволила исследователям говорить о своеобразии развития культуры в данном регионе и выделить специфическую мальтинско-буретскую культуру.⁷ Правда, вопрос ее генезиса, истоков в настоящее время не решен, хотя имеются интересные интерпретации этой проблемы. Более того, для Мальты получена радиоуглеродная дата $14\ 750 \pm 120$ (ГИН-97), которая показывает более молодой, чем считалось прежде, возраст памятника.⁸ Как полагает С. М. Цейтлин, культурные слои стоянки сформировались в Каргинском межледниковье и должны быть моложе его, т. е. моложе 22—24 тыс. лет.⁹

Одним из значительных памятников сибирского палеолита являются стоянки на Афонтовой Горе. Они были открыты в 1884 г. известным исследователем Сибири, директором Красноярской учительской семинарии И. Т. Савенковым и изучались им с небольшими перерывами в течение 20 лет. О своем открытии Савенков доложил II сессии Международного конгресса археологов и антропологов в Москве (1892 г.).¹⁰ Небольшие материалы орудий собраны в 1894 г., материалы шести коллекций, одна из которых содержит фаунистические остатки, получены во время работ 1895 г., самые многочисленные, основные материалы памятника добыты в последний год раскопок — в 1914 г.¹¹ Хозяйственно-бытовой инвентарь стоянок включает крупные остроконечники, скребки, скребла, проколки, острия, своеобразные дисковидные орудия, выполненные из роговика, мелкозернистого кварцита зеленого и коричневого цвета. Особое место занимают рубящие орудия из камня — тесла, три типа которых выделены С. Н. Астаховым¹² не только в Афонтовой Горе I,¹³ но и в Кокорево I.¹⁴ Интерес представляют костяные орудия — шилья, иглы с ушками, применявшимися для спшивания шкур животных, пошива одежды, обуви. Из рога северного оленя выполнены выпрямители, а тесла — из бивня мамонта. Важную категорию изделий составляют украшения: костяные бусы, подвески из клыков песца. Для понимания духовной культуры охотников Афонтовой Горы I большое значение имеет диск из агальматолита, плоские стороны которого покрыты резным орнаментом в виде радиальных линий и отполированы до блеска. Выделяется яркая серия охотничьего оружия (более 20 экз.) — костяных и роговых наконечников копий нескольких типов. Они имеют крупные размеры (от 16 до 25 см), по форме либо овальные в поперечном сечении, либо плоские как ножи. Обе группы включают наконечники либо без паза, либо с одним или двумя продольными пазами для вкладышей. Примечателен уникальный костяной кинжал с сохранившимися в пазу четырьмя кремневыми вкладышами.

Орудия вкладышевой техники составляют характерную особенность стоянок Афонтовой Горы. Эти орудия, как известно, сыграли прогрессивную роль в хозяйственной деятельности человека эпохи позднего палеолита и получили дальнейшее развитие в неолитическое время.¹⁵

⁷ Палеолит СССР. С. 313—315.

⁸ Там же. Табл. 3.

⁹ Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М., 1979. 285 с.

¹⁰ Savenkov I. Sur les restes de l'époque paléolithique dans les environs de Krasnojarsk // Congrès International d'archéologie préhistorique et d'anthropologie II Session à Moscou. M., 1892. Vol. 1. P. 121—130.

¹¹ Астахов С. Н. Поселения Афонтовой Горы и их место в палеолите Сибири: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1966. 16 с.

¹² Астахов С. Н. Тесла в позднем палеолите Енисея // КСИА АН СССР. 1967. Вып. 111. С. 19—23.

¹³ МАЭ, кол. № 281-38.

¹⁴ Там же, № 5409-171.

¹⁵ Абрамова З. А. О вкладышевых орудиях в палеолите Енисея // КСИА АН СССР. 1967. Вып. 111. С. 12—18.

11 Сб. МАЭ, т. XLII

Материалы стоянок Афонтовой Горы послужили основанием для выделения особой афонтовской культуры на Енисее.¹⁶ Они датируются временем второй половины сартанского оледенения — XIX—XVIII тысячелетия до н. э. (третья группа памятников). Данные материалы датируются 18—14 тыс. лет назад. Отметим, что и сейчас, когда на Енисее открыто более 100 палеолитических стоянок, материалы Афонтовой Горы остаются эталонными.

Стоянка Кокорево I (Забочка), расположенная в Енисейской долине, в 230 км от Афонтовой Горы, раскапывалась Г. П. Сосновским в 1925 и 1928 гг. Коллекция содержит каменный и костяной инвентарь более развитого облика, чем комплекс Афонтовой Горы I. В числе каменного инвентаря большой группой представлены нуклеусы, отходы производства, пластины с ретушью по одному или двум краям, крупные скребки на отщепах округлой формы, меньше — на пластинах, скребла. Среди костяных орудий имеют место орудия вкладышевой техники (наконечники копий с пазом), обломки мотыг и выпрямителей; микроорудия отсутствуют. В настоящее время работами З. А. Абрамовой на памятнике сделана ценная находка остатков наземного жилища со специфическими очагами из камней.¹⁷ Для поселения Кокорево I есть серия абсолютных дат: $13\ 300 \pm 50$ (ГИН-91), $14\ 450 \pm 150$ (ЛЕ-628). Специфика комплекса стоянки и наличие очагов дали основание исследователям выделить на Енисее кокоревскую культуру, отличную от афонтовской.¹⁸ Правда, существуют и другие точки зрения.¹⁹

Надо отметить, что данная коллекция содержит, кроме того, материалы стоянок Кокорево II (Тележный Лог), Кокорево III (Каменный Лог), Кокорево IV и у Красноярского Переселенческого пункта, относящиеся к афонтовской культуре.

Существенным дополнением, характеризующим афонтовскую культуру позднего палеолита на Енисее, служат материалы стоянки Бирюсы в устье р. Бирюсы, изучавшейся путем раскопок Н. К. Ауэрбахом и В. И. Громовым в 1926—1927 гг.²⁰ Памятник известен с конца XIX в., когда его открыл А. С. Еленев, сподвижник И. Т. Савенкова. Раскопками было установлено три культурных слоя (А, В, С). Материал слоя С, относящийся к позднему палеолиту, включает орудия из кварца, яшмы, кремнистых пород (отбойники, скребла, скребки, тесла, долота). Костяные орудия представлены наконечниками копий с желобом, иглами, подвесками (зубы оленя).

Итак, неоценимое научное значение материалов приведенных памятников заключается в том, что именно их комплексы наряду с новыми дополнительными исследованиями послужили основанием для выделения афонтовской и кокоревской культур на Енисее и малыгинско-буретской на Ангаре, в Прибайкалье.

Заканчивая обзор материалов по палеолиту Сибири, назовем местонахождение в третьем регионе — в Приморском крае (табл., № 5). Поселение Устиновка на р. Зеркальной, открытое в 1954 г. В. Ф. Петрунем, включает инвентарь, выполненный из кремнистой породы и из яшмы различных оттенков (бирюзово-зеленоватый, серый). Доминируют нуклеусы, отходы производства, встречаются наконечники стрел, копий, скребки. Автор сборов датировал материал неолитом.²¹ А. П. Окладников интерпретировал памятник как поселение-мастерскую и отнес к эпохе мезолита.²² По новым данным, поселение датировано концом

¹⁶ Абрамова З. А. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. Новосибирск, 1979. 157 с.

¹⁷ Палеолит СССР. С. 318—319, табл. 3.

¹⁸ Абрамова З. А. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. Новосибирск, 1979. С. 182—197.

¹⁹ Хохлюшин Ю. П. К вопросу о существовании локальных различий в палеолите Енисея // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 3—18.

²⁰ Ауэрбах Н. К., Громов В. И. Материалы к изучению бирюсинских стоянок близ Красноярска // Палеолит СССР. 1935. С. 219—248. (Изв. ГАИМК; Вып. 118).

²¹ Петрунь В. Ф. К вопросу о возрасте речных террас Южного Приморья (находки каменных орудий на побережье Японского моря) // Материалы по геологии и полезным ископаемым Восточной Сибири и Дальнего Востока. М., 1956. С. 58.

²² Окладников А. П. Древнее поселение на р. Тадуши у д. Устиновка и проблема дальневосточного мезолита // Четвертичный период Сибири. М., 1966. С. 352—372.

позднего палеолита — началом мезолита²³ и отнесено к категории мастерских.²⁴

Неолитическую эпоху (IV—III тысячелетия до н. э.) на территории Сибири и Дальнего Востока характеризуют многочисленные материалы, собранные в дореволюционное и советское время. В неолите происходит широкое освоение человеком различных климатических зон, усиливается культурно-хозяйственная вариабельность, что приводит к сложению большого числа локальных вариантов культур. Эти процессы отражают материалы поселений, расположенных по берегам крупных водных артерий: Енисея, Ангары, Амура, а также Байкала, Сахалина, Курильских о-вов и Камчатки.

Неолит лесостепной части Южной Сибири — долины Енисея — характеризуют материалы, происходящие из сборов ряда лиц в окрестностях Красноярска (табл., № 6—10). Большая часть этих материалов связана с именем И. Т. Савенкова, который первый открыл многие из них (Базаиха, Ладейка, Переездная, Афонтова Гора). К раннему этапу среднеенисейского неолита²⁵ относятся материалы бирюсинского поселения (табл., № 2), полученные, что имеет важное значение, путем раскопок (слой А). Преобладающее число находок выполнено из галек яшмы различных тонов (серых, розоватых, зеленых, коричневых и красных), а также из кремнистых пород и халцедона (скребки, тесла). Крупными размерами выделяются скребла овальной формы. Керамика представлена круглодонными сосудами с сетчатым орнаментом («сетка-плетенка»), нанесенным по венчику. Комплекс датируется началом IV тысячелетия до н. э. и, очевидно, синхронен группе памятников Ангаро-Байкальского региона серовского этапа.

В 60-х гг. в составе Красноярской экспедиции М. П. Грязнова Бирюсу изучала Н. Н. Гурина, также установившая три культурных слоя,²⁶ которые соответствуют слоям А, В, С раскопок прежних лет.

Инвентарь неолитических поселений Базаихи, Ладейки и других содержит большое количество орудий, выполненных из кремня, яшмы, роговика, глинистого сланца и нефритовых пород (скребки, пилы). Многочисленны наконечники стрел, дротиков и копий крупных размеров, а также группа рубящих орудий (топоры, тесла, долота). Интерес представляет фрагмент скульптурного изображения рыбы (голова) из глинистого сланца зеленоватого оттенка (табл., № 71, кол. 240). Из кости и рога изготовлены гарпуны, наконечники стрел, украшения (подвески). Духовный мир лесных охотников того времени помогают представить фигурки птиц из кремня и зооморфная поделка из агальматолита (табл., № 6, кол. 282, 283). Часть материалов из Базаихи и Ладейки, датируемых второй половиной IV тысячелетия до н. э., относится к развитому неолиту Енисея (наконечники стрел трех типов — овальной формы, треугольной с прямым основанием и ромбовидной с усеченным основанием, керамика с орнаментом «отступающей лопаточки» и гребенчатым штампом). Другая часть материалов относится к середине III тысячелетия до н. э. (наконечники стрел с вогнутым симметричным основанием, керамика, украшенная пунктирной гребенкой).²⁷

Особенно выразителен инвентарь погребений могильника около д. Базаиха (урочище Бор), исследованного И. Т. Савенковым в 1884—1885 гг. (табл., № 6, кол. 1259). Костяные изделия включают шило, стамеску, кинжал. Найдены точильные камни (оселки), а также обломки рогов лося. Наибольший интерес представляют произведения неолитического искусства Базаихи — набор костяных скульптурных изображений: свиньи, фантастической птицы и лосей.

²³ Палеолит СССР. С. 330.

²⁴ Гладышев С. А. Типология нуклеусов со стоянки Устиновка I // Проблемы древних культур Сибири: Сб. науч. статей. Новосибирск, 1985. С. 74—86.

²⁵ Генералов А. Г. Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Кансской лесостепи: Автореф. дис. . . канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1979. С. 16.

²⁶ Гурина Н. Н. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции // КСИА АН СССР. 1964. Вып. 97. С. 88—97.

²⁷ Генералов А. Г. Неолитические комплексы. . . С. 17—19.

Последние выполнены в реалистической манере и передают характерные черты сошатого.²⁸ Эти материалы находят аналогии в китайских памятниках долины р. Ангара, Прибайкалья, Дальнего Востока (середина III тысячелетия до н. э.). Для этого времени имеется радиоуглеродная дата — СОАН-1665 (4380 ± 15) лет ((2410 ± 15) лет до н. э.).²⁹

Богато представлены материалы неолитических поселений и могильников Прибайкалья, Забайкалья и Амурско-Приморской обл. Особенно большие комплексы собраны по неолиту Прибайкалья в результате работ Байкальской экспедиции 1912—1913 и 1916 гг., организованной Русским комитетом под руководством сотрудника отдела археологии МАЭ Б. Э. Петри (табл., № 15—25). Этому исследователю принадлежит честь открытия многих памятников разных эпох данного региона. Характерной чертой стоянок в Иркутской обл. является их многослойность — сочетание культурных слоев неолитического времени и металлической эпохи — курумчинские кузнецы (табл., № 14—17, 23). Люди селились на небольших речках, ручьях (Кузьмиха, Межовка, на р. Куде) при впадении их в большую реку. Интерес представляет местонахождение Царь-Девица на левом берегу Ангары, относящееся к раннесеровскому времени. Своеобразие материала — незначительное количество керамики и большое число кремневых пластин и скребков — дало основание Б. Э. Петри считать его не стоянкой, а местом рыбной ловли или мастерской.³⁰ Помимо изучения памятников Иркутской обл. Петри обследовал западный берег Байкала, где с выдувов были собраны материалы на о-ве Ольхон (Малое Море), в бухтах Песчаная 1 и 2, Бабушка.

Большие раскопки были проведены им на одном из значительных памятников Байкала — поселении рыболовов и охотников Улан-Хада, расположеннем на берегу Малого Моря, отнесенном исследователем к неолиту. Впоследствии было установлено, что Улан-Хада является многослойным памятником (слои XI—I) и хронологический диапазон поселения довольно большой — от эпохи раннего неолита до железного века (табл., № 23).³¹

Материал XI слоя (нижнего), относящийся к «бескерамическому неолиту» (V тысячелетие до н. э.—первая половина IV тысячелетия до н. э.), включает лишь орудия труда (несколько типов резцов, скребки, проколки, ножевидные пластинки), орудия, связанные с рыболовством (грузила, заготовки составных крючков из шифера). Своеобразной чертой является наличие нуклеусов — «дрилей», которые, как теперь установлено, употреблялись в качестве сверл и резцов карусельных устройств.³² Керамики в этом слое нет. Материалы X слоя характеризуются появлением круглодонной керамики с сетчатым орнаментом или гладкостенных сосудов с роликовым штампом. Комплекс орудий идентичен нижнему слою. Этот материал обнаруживает сходство с поселениями Верхней Лены³³ и датируется позднесеровским периодом.

Доминирующий материал памятника составляют комплексы, относящиеся к позднесеровскому времени и отчасти китайскому, хотя для последнего этапа керамики мало, а также к раннеглазковскому (слои IX—II). Керамика представлена сосудами с уплощенно-коническим дном и с разнообразной орнаментацией

²⁸ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1950. Т. 18. С. 280—283.

²⁹ Окладников А. П., Конопацкий А. К. Погребения эпохи неолита и ранней бронзы на Ангаре (по материалам раскопок 1977 г.) // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 27.

³⁰ Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала // Сб. МАЭ. Пг., 1916. Т. 3. С. 113—132.

³¹ Там же; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. С. 98—104, 108—111; Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале // КСИА АН СССР. 1964. Вып. 97. С. 25—32; Свинин В. В. Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. Восточно-Сибирского отдела Геогр. о-ва СССР. Иркутск, 1976. С. 167—179; Горюнова О. И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 1984. 17 с.

³² Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение. . . С. 28.

³³ Зубков В. С. Неолит и ранний бронзовый век Верхней Лены: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1982. С. 12.

(ямочный орнамент, сетчатый, защипы, отиски «отступающей» лопаточки, «жемчужины»). Сам Петри писал, что нет двух одинаково орнаментированных сосудов. Выделяется фрагмент крупного сосуда с углубленным орнаментом, изображающим змей и косые кресты (глазковское время — XIV—XIII вв. до н. э.). В этих слоях Улан-Хады представлены серии орудий домашнего обихода (каменные ножи, скребки), охотничье оружие (наконечники копий, стрел), орудия рыбной ловли (рыболовные крючки для удочек из слюдистого сланца, каменные грузила). Очень интересны скульптурные изображения рыб из белого мрамора, напоминающие сигов или омулей, из слюдистого песчаника (осетры, налимы), служившие, очевидно, в качестве приманок.

Материалы I слоя включают группу рубящих шлифованных орудий из сланца и нефрита (тесла, долота, топорики), ножи из белого нефрита, наконечники стрел и копий. Керамика состоит из толстостенных сосудов, украшенных штрихами, ногтевым узором. Они датируются бронзовым веком (шиверский этап, 1200—800 лет до н. э.).³⁴ Забегая вперед, скажем, что среди материалов Улан-Хады, полученных Б. Э. Петри, имеются находки, относящиеся к позднейшему периоду, связанному с пребыванием здесь курыкан.

Не меньший интерес представляют материалы серовского и китайского времени, собранные в других частях Прибайкалья (табл., № 14). Они включают керамику неолитического облика, каменные (кремень, нефрит, халцедон) орудия указанных выше типов, скульптурные изображения рыб из жировика, а также серию украшений, происходящих из погребений, — костяные бусы, подвески из зубов медведя, олена (более 30 экз.).

Органически связаны с материалами Прибайкалья находки, происходящие из сборов в районе Забайкалья, в частности на территории Бурятской АССР (табл., № 28—31). Стоянки Байкала (Горемыки, Тунка) содержат инвентарь, идентичный комплексам западного берега озера. Интересен могильный инвентарь неолитического погребения китайского времени в Худунской впадине (р. Уда). Здесь представлен типичный для такого типа памятников набор пластин и отщепов (кремень, халцедон), костяной нож с вкладышами, иглы и игольники из кости, раковины (беззубка), зубы кабарги (рыба типа омуля).

Сборы 30-х гг. неолитических материалов в бассейне р. Вилой, притока Лены, и р. Амги, притока Алдана, на территории Якутии, имея много общего с аналогичными байкальскими комплексами, характеризуют локальное своеобразие культур этой части Сибири. Для изготовления орудий (топоров, тесел, стамесок) применялись местные породы камня (диабаз, кремнистый сланец, яшма, кремень красного цвета). Распространены были топоры клиновидной формы и наконечники копий. К костяным изделиям относятся острия, шилья, наконечники гарпунов (табл., № 32—34).

Среди материалов эпохи неолита, собранных в Амурской обл. и Приморском крае, назовем небольшие сборы Л. Я. Штернберга на р. Амгуни (левый приток Амура), в с. Кальма (табл., № 36). Отсюда происходит керамика с вертикальным пунктирным зигзагом нижнеамурской культуры эпохи неолита. Интересен материал времени позднего неолита с Чукчагирского озера, расположенного в этом же районе (табл., № 40). Он включает орудия труда, сочетающие признаки памятников Якутии и Сахалина.

К эпохе неолита среднего течения Амура относится находка утяжелителя крупных размеров сферической формы гранитной породы, служившего для земледельческих работ (табл., № 39).

Ниже мы вернемся к материалам Амура. Здесь же уместно отметить, что особое место в создании археологического собрания по Сибири принадлежит акад. А. П. Окладникову.³⁵ С его именем связаны многие важнейшие достижения отечественной археологии. Многолетняя полевая деятельность исследова-

³⁴ Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение... С. 32.

³⁵ Попова Т. А. Коллекции А. П. Окладникова в Археологическом собрании МАЭ // Проблемы древних культур Сибири. С. 38—45.

теля обогатила фонды отдела археологии МАЭ рядом интереснейших материалов, собранных в довоенное и послевоенное время. Большое место занимают материалы А. П. Окладникова и по неолиту. Его разведкой 1937 г. была охвачена территория Прибайкалья — река Ангара (Иркутская обл.), в частности ряд островов (Каменный, Сизовский),³⁶ которые в настоящее время затоплены Братским морем. Обследованы были два пункта у с. Заярска на правом берегу реки, открыты мастерская на о-ве Каменном, стоянка на о-ве Сизовском (табл., № 13). Материалы этих памятников в свое время вошли в исследование А. П. Окладникова, посвященное хронологии и периодизации культур неолита и эпохи бронзы Прибайкалья. Особо выделены автором материалы с о-ва Каменного, где была изучена неолитическая мастерская по выделке костяных изделий, содержавшая нуклеусы, резак из черного кремня, струг, заготовки трубчатых костей птиц.³⁷

Большое значение для реконструкции хозяйственной жизни и погребального ритуала имеет инвентарь могильника Братский Камень (погребение 8), относящийся, как и мастерская, к серовскому этапу развития неолитического населения Ангары (табл., № 13). Инвентарь включает кремневые наконечники стрел, почти полностью сохранившиеся костяные пластинки — накладки большого сложного лука, типичного охотничьего оружия человека той поры, а также глиняный сосуд серовского типа (округлое тулово и днище, более узкое горло). Серовским временем датируются и материалы сборов около с. Чадобец (табл., № 26, кол. 6471).

Интерес представляет комплекс эпохи позднего неолита, полученный во время работ 1945 г. на юго-востоке Таймыра, в низовьях р. Хатанги, на ее правом берегу, на эпонимном памятнике. Этот небольшой в количественном отношении комплекс с Северо-Сибирской низменности (современный Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ) содержит керамику, орудия и изделия из кости, кремния, халцедона, а также наконечники стрел и копий, выполненные из кремня. Анализ этих материалов позволил А. П. Окладникову сделать вывод об их большом сходстве с инвентарем неолитических поселений р. Лены и предположить, что заселение этой части Субарктики происходило из ленской долины (табл., № 12).³⁸

Особенно велик вклад А. П. Окладникова в изучение древних культур Приморья. Значительны материалы исследователя, собранные во время экспедиции летом 1935 г. по нижнему течению р. Амур (20 тыс. предметов).³⁹

В результате исследования было открыто около 200 памятников, из которых 135 поселений с инвентарем неолитического облика, 51 — раннекаменного века, комплексы по средневековью, а также материалы XVII столетия (табл., № 35). Окладниковым были выделены памятники ранней и поздней стадий амурского неолита. Они содержали богатый культурный слой — остатки флоры и фауны, кремневые и костяные наконечники стрел, каменные (сланцевые) рубящие орудия, шилья. Самым главным отличительным признаком была характерная керамика, орнаментированная гребенчато-пунктирным зигзагом. Подобный тип керамики (громатухинская посуда) впоследствии был отмечен А. П. Окладниковым в качестве древнейшей группы для всего Дальневосточного региона (IV—III тысячелетия до н. э.).⁴⁰

Материалы коллекций содержат и посуду нижеамурской культуры с зональным гребенчатым орнаментом (малышевский этап), с «амурской плетенкой» и меандром (кондонский этап), с вертикальным зигзагом и спиралью, выполнен-

³⁶ А. П. Окладников вновь работал здесь в 1951—1954 гг. Материалы хранятся в Новосибирском ИИФФ СОАН СССР.

³⁷ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. С. 198—202, 205—207.

³⁸ Окладников А. П. Древние поселения в долине р. Хатанги // КСИИМК. 1947. Т. 18. С. 38—45.

³⁹ Окладников А. П. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре // СА. 1936. № 1. С. 275—277.

⁴⁰ Окладников А. П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. М., 1970. С. 177—193.

ными в гребенчато-пунктирной технике (вознесеновский этап).⁴¹ Примечательна керамика с орнаментом в виде известных амурских антропоморфных личин, характерных для вознесеновского этапа развития культуры.

В связи с материалами по неолиту Амура, в частности самой массовой категории находок — керамики, интерес представляют разработки Окладникова по орнаментации посуды. Помимо мотива «змеи» — меандра, спирали, зигзага, волнистой линии, исследователь выявил один характерный элемент — ромб. В результате тщательного изучения этого мотива и сличения серий фрагментов сосудов, украшенных подобным орнаментальным элементом, А. П. Окладников делает вывод, что ромбический элемент является лишь фоном подлинного узора — плетенки. Открытие мотива «плетения» (ромбическая сетка-плетенка в разных ее вариантах) в орнаменте глиняной посуды древнего населения неолитического времени, с одной стороны, и аналогичные элементы, составляющие национальную особенность орнамента у нивхов, — с другой, позволили Окладникову считать наряду с другими данными, что современное аборигенное население низовьев Амура связано с неолитическим.

Материалы экспедиции включают многочисленный каменный инвентарь (клины, желобчатые долота, часто миниатюрные, палицы, скребки, проколки, ножи изогнутых очертаний, наконечники стрел), обнаруживающий близость с инвентарем ряда памятников развитого неолита Восточной Сибири, Байкала и Ангаро-Ленского района.

Экспедицией были открыты любопытные жилища неолитического времени специфической конструкции в виде полуземлянок. Наибольший интерес представляют жилищный и хозяйственно-бытовой комплексы на о-ве Сучу, где ранее вели изыскания А. М. Золотарев (землянка Золотарева), в местности Букола, в с. Богородском (землянка 5), в пади Большой Дурал (неолитическая стоянка 15, землянка). Комплекс Сучу I — плоскодонные сосуды баночной формы с пунктирным орнаментом в виде зигзага, двусторонне ретушированные наконечники стрел аналогичны предметам патхинской коллекции, собранной Г. Пфейфером более ста лет тому назад (табл., № 38). Материалы Сучу I и с р. Патхи датируются ранним неолитом и находят аналогии в синхронных комплексах Амура⁴² и Приморья (бухта Тетюха).⁴³ Правда, в материалах с р. Патхи имеется инвентарь эпохи железа (клинок из шифера).⁴⁴

Поселение Большой Дурал на левом берегу Амура, в 4 км ниже с. Нижне-Тамбовское и на сегодняшний день остается первоклассным памятником, давшим сложную четырехслойную вертикальную стратиграфию (в пределах землянки 1) от эпохи позднего неолита (конец II тысячелетия до н. э.) до XVIII в.⁴⁵

Любопытны материалы отдела по неолиту другого региона Дальнего Востока. Одна группа происходит с о-ва Сахалина, где в 1882 г. работал И. С. Поляков (табл., № 43). Комплекс включает каменные (базальт, кремень, кварц) орудия труда охотничье-хозяйства (наконечники стрел, копий), рыбной ловли (грузила), рубящие орудия (топоры, долота, клины), серию костяных изделий (иглы, шилья), предназначенных для пошива одежды, а также украшения — подвески (кость, мел). Многочисленны фрагменты глиняной посуды. Обследованием было охвачено преимущественно западное побережье острова. Отметим, что часть сборов И. С. Полякова не имеет отношения к Сахалину и

⁴¹ Окладников А. П. Поселение у с. Вознесеновка вблизи устья р. Хунгари // Археологические открытия 1966 года. М., 1967. С. 175—178; Бродянский Д. Л. А. П. Окладников и проблемы дальневосточного неолита // Проблемы древних культур Сибири. С. 34—37.

⁴² Шаров А. Г. К истории изучения неолитических памятников на Амуре // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1970. Вып. 3. С. 210—217.

⁴³ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. С. 147.

⁴⁴ Приношу глубокую благодарность В. Н. Копытко за ценные советы по материалам Дальнего Востока. См. также: Окладников А. П. Приморье в I тысячелетии до н. э.: (По материалам поселений с раковинными кучами). // СА. 1956. Т. 26. С. 54—96.

⁴⁵ Окладников А. П. Древние посёления в пади Большой Дурал на Амуре // СА. 1951. Т. 15. С. 299—301.

собрана в Приморье, близ устья р. Сидими (Хасанский р-н) (табл., № 107, кол. 565). Это подтверждается аналогичной посудой, полученной в результате раскопок Г. И. Андреевым раковинных куч в Усть-Сидими.⁴⁶ Неолит Курильской гряды, в частности о-ва Итуруп, представлен материалами мастерской неолитического времени. Орудия изготовлены из обсидиана (наконечники копий, стрел, ножи) (табл., № 44, 45). Комплекс, датируемый концом II тысячелетия до н. э., относится к эпохе неолита и предшествует на Курильских о-вах охотской культуре.⁴⁷ Эти материалы приобретают важное значение в связи с генезисом неолита Курильских о-вов, ибо ранние типы керамики имеют корни в неолите Приморья⁴⁸ и Сахалина,⁴⁹ а также обнаруживают близость с культурой дзёмон (Япония).⁵⁰ В этом плане представляет интерес нож с перехватом из камня, обнаруженный на Сахалине (кол. 4451) и аналогичный такого же рода изделиям в культуре дзёмон.

Большое научное значение имеют небольшие материалы с территории Камчатки, характеризующие древнепалеоитическую культуру восточной части полуострова.⁵¹ Комплекс орудий содержит ножи, скребки, наконечники стрел и копий из обсидиана, кремня, халцедона, серию тесел (табл., № 46—48). Из Тары происходят оригинально выполненные стилизованные антропоморфные фигуры из обсидиана (длина 3.5 см) и зооморфные, изображающие тюленя с головкой и плавниками (длина 4.2 см). По комплексу находок памятник относится к среднекамчатской группе стоянок первого, наиболее раннего, тарынского этапа древнепалеоитической культуры, прежде известной как тарынская культура (I тысячелетие до н. э.). Для этого этапа характерны так называемые горбатые ножи, листовидные и узкоклинковые, острообушковые тесла с треугольным поперечным сечением и обсидиановые фигурки.⁵²

Переходя к материалам бронзового и железного веков Сибири, отметим памятники Западной Сибири: лесной ее зоны (Тобольское Прииртышье), таежной полосы (бассейн р. Сосьвы) и Крайнего Севера (низовья р. Оби, п-ов Ямал). Что касается материалов по неолиту этого региона, надо сказать, что он невелик по объему (табл., № 49—51, 55, 56). Сборы относятся к концу XIX в. (район Тобольска) и к 30-м гг. (район Салехарда). Каменный производственный инвентарь, характеризуя западносибирский неолит, включает рубящие орудия (топоры), охотничье оружие (наконечники стрел), скребки, комбинированные орудия — скребки-ножи, а также нуклеусы (горные породы). Интерес представляет керамика этого времени андреевской неолитической культуры, орнаментированная полуулунным зубчатым штампом (Сортынья II).⁵³ Она типична для памятников таежной полосы и в эпоху бронзы (сузгунская культура). Более того, основной мотив орнамента сохранился до наших дней у манси, в частности на берестяных изделиях.

Для эпохи бронзы важные материалы получены В. Н. Чернецовым во время работ Обь-Иртышской (1948 г.) и Западно-Сибирской (1950 г.) экспедиций на

⁴⁶ Андреев Г. И., Андреева Ж. В. Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 г. // КСИА АН СССР. 1962. Вып. 88. С. 93—101.

⁴⁷ Голубев В. А. Древние культуры Курильских островов // Древняя Сибирь. Вып. 3. С. 218—225.

⁴⁸ Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973. 438 с.

⁴⁹ Козырева Р. В. Древнейшее прошлое Сахалина. Южно-Сахалинск, 1960. 96 с. с ил.

⁵⁰ Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1958. 118 с.; Чард Ч. С., Морлан Р. Е. Абсолютная хронология каменного века Японии // Древняя Сибирь. Вып. 3. С. 109—138.

⁵¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. 842 с.; Лев Д. Н. Новые археологические памятники Камчатки // СЭ. 1935. № 4—5. С. 217—224; Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки // СЭ. 1948. № 1. С. 153—179; Антропова В. В. К истории археологического изучения Камчатки // Сб. МАЭ. 1949. Т. 11. С. 380—394.

⁵² Пономаренко А. К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М., 1985. 215 с.

⁵³ Чернцов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. Вып. 35. Табл. 5, рис. 8.

правом берегу Иртыша, почти у устья р. Тобола — на памятнике Сузгун II.⁵⁴ Своеобразие материала, не имеющего непосредственных аналогов ни в одной из соседних культур, дало право исследователям выделить особую культуру и назвать ее по эпонимному памятнику сузгунской. Вместе с тем, как показало изучение орнамента на посуде, данный комплекс сопоставим с керамикой андроновской культуры (алакульский тип) и на основании этого сходства был датирован серединой II тысячелетия до н. э.⁵⁵ По совокупности ряда данных Сузгун II отнесен к памятникам культового назначения лесной зоны Западной Сибири и интерпретирован как древнее жертвенное место (табл., № 57).

Керамику сузгунского типа содержат материалы, собранные во время археологической разведки 1948 г. В. В. Храмовой. Ею были обследованы районы в Тюменской обл., в частности у с. Лайтамак на р. Лайме. По аналогии с сузгунской посудой, эти материалы также могут быть датированы эпохой бронзы (табл., № 54).

Особое место занимают богатейшие материалы эталонного памятника эпохи железа — усть-полуйской культуры у Салехарда, открытого в 1932 г. на правом берегу р. Полуй на Полярном круге (табл., № 59).⁵⁶ Они раскрывают культуру населения бассейна Нижней Оби, ее приморской зоны, в IV в. до н. э.—I в. н. э. Представлены многочисленные предметы быта и оружие, связанное с морским промыслом (костяные гарпуны с вкладышами из сланца и металла, железные ножи), а также бронзовые клевцы, секиры и трехгранные наконечники стрел скифского типа. Характерной чертой поселения является обилие предметов искусства из кости и оленьего рога с художественной резьбой. Бытовые поделки (ложки, оленьи седла и т. д.) со скульптурными изображениями птиц, в основном хищных, выполнены в манере звериного стиля и аналогичны изделиям южных, скифских типов и культур скифского круга (анаанынской). Уместно отметить, что материалы усть-полуйской культуры имеют большое научное значение, ибо служат генетической подосновой финно-угорских народов (хантов, манси, коми-пермяков, удмуртов и др.).

Интересны материалы различных периодов железного века и средневековья этого региона. Комплексы происходят с территории Ханты-Мансийского (Карымское городище, Сосьва I, II) и Ненецкого (поселение и могильник Кушеват) автономных округов. Они характеризуют культуру охотников и рыболовов таежного пояса (табл., № 52, 53, 56, 60).

Комплексы стоянок и могильника, открытые на северной оконечности п-ова Ямал (Ямало-Ненецкий автономный округ), содержат инвентарь, характерный для морских зверобоев. Из древних землянок происходят деревянные, каменные, медные и железные предметы, а также глиняная посуда (табл., № 61).⁵⁷

Переходя к освещению бронзового и железного веков Восточной Сибири, надо иметь в виду, что находки происходят из разных мест этого региона, найдены различными людьми случайно и содержат, как правило, материал разного времени. Однако определенная их часть собрана путем раскопок.

Эпоха бронзы представлена материалами отдельных могильников хронологически последовательных культур андроновской и карасукской на Алтае, на Енисее (Красноярский край, Минусинская котловина).

Андроновская культура, названная по д. Андроново близ Ачинска, датируется серединой II тысячелетия до н. э., в пределах 1700—1200 гг. до н. э.⁵⁸

⁵⁴ Там же. С. 48—51; *Мошинская В. И.* Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. 1957. Вып. 58. С. 114—135.

⁵⁵ Там же. С. 125—127.

⁵⁶ *Мошинская В. И.* Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде // МИА. 1953. Вып. 35. С. 179—188; *Чернецов В. Н.* Усть-Полуйское время в Приобье // Там же. С. 221—241.

⁵⁷ *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. 1935. № 4—5. С. 109—133.

⁵⁸ *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. 1929. Т. 4, вып. 2. С. 43—45; *Киселев В. С.* Древняя история Южной Сибири // МИЛ, 1949. Вып. 9. С. 41, 62—63.

Культуру андроновских племен — оседлых земледельцев и скотоводов — характеризуют материалы раскопок 1926—1928 гг. Г. П. Сосновского (табл., № 63). Наиболее показателен могильный инвентарь из улуса Орак в Хакасской АО, где Г. П. Сосновский раскрыл 10 погребений. Комплекс содержит серию глиняной плоскодонной посуды, украшенной сложными геометрическими резными композициями (меандр, шеврон). Представлены медные предметы (серпы, шилья), а также украшения (бусы, бляшки, серьги). Имеется группа игральных костей — «бабки» (18 астрагалов барана?). Существенно, что был собран и краинологический материал. Г. Ф. Дебец и В. П. Алексеев на основании изучения этих материалов относят население андроновской культуры кprotoевропейскому типу.⁵⁹ Из других пунктов происходят медные орудия, из бронзы (топоры, серпы, шилья), не имеющие еще стандартных форм, а также бляшки от поясов, украшения. Любопытен прорезной наконечник копья, относящийся к андроновской общности валиковой керамики (XIII—XII вв. до н. э.). Такой тип оружия известен на всей территории Евразии — от Ирландии до Минусинской котловины (табл., № 73, кол. 1519).

Намного богаче представлены материалы по карасукской культуре Среднего Енисея, р. Чулым и Минусинской котловины, получившей свое название по р. Карасук, левому притоку Енисея, у с. Батени в Южной Сибири, где были найдены погребения этой культуры. Относительная датировка эпохи — 1200—700 лет до н. э.⁶⁰

Комплексы могильников у деревень Черной и Кокорево, а также в ряде местонахождений в окрестностях Ачинска, Красноярска, Минусинска (деревни Быстрая, Кочергино, Ладейки, Означенное), полученные в результате работ Г. П. Сосновского, И. Т. Савенкова, П. Е. Островских, являются значительным материалом для характеристики населения карасукской культуры (табл., № 62, 66—72, 74). Могильный инвентарь состоит из многочисленных находок бронзовых орудий и оружия (серпы, кельты, стамески, долота, кинжалы, наконечники стрел), женских украшений (браслеты, бусы, так называемые лапчатые привески), зеркал. Свообразие инвентарю придают бронзовые коленчатые (изогнутые под углом) ножи — типичное орудие карасукской культуры, отличающее ее от других. Следует отметить группу бронзовых кинжалов и ножей, искусно украшенных изображениями головок животных. В имеющихся материалах представлены глиняные формы для отливки бронзовых изделий. Замена каменных форм глиняными явилась большим достижением того времени, что позволило получать более точные сложные формы. Важную категорию инвентаря составляют глиняные сосуды со сферическим дном, часто покрытые ангобом и инкрустацией.

Говоря об эпохе бронзы и раннего железа на территории Сибири, надо назвать редчайшие материалы, характеризующие развитие горного дела и металлургии. Они происходят из медных рудников под Минусинском и Алтаем. К ним относятся деревянный молоток, обнаруженный в 1862 г. в медном присыпке на Алтае, вблизи д. Выдриха (табл., № 78) и три деревянные лопаты длиною от 85 до 116 см для сгребания руды из Глафиринского рудника Уленских медных рудников компании «Владимир Алексеев», расположенного на запад по р. Улень, в окрестностях Минусинска (табл., № 69). Деревянные лопаты были найдены в древней выработке, в почве вечной мерзлоты и доставлены в МАЭ в 1915 г. неутомимым И. Т. Савенковым. Любопытны каменные песты и молоты для разбивания породы, бронзовые кайла, слитки меди и бронзы, формы и льячки для отливки и разливания металла. Металлургическое производство характеризуют сломанные бронзовые предметы, которые служили в качестве сырья для выделки новых изделий.

Сложный в истории первобытного общества ранний железный век Сибири от-

⁵⁹ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Н. С. М.; Л., 1948. Т. 4. 389 с. Материал раскопок Г. П. Сосновского хранится в отделе этнической антропологии Ин-та этнографии АН СССР, кол. 3390.

⁶⁰ Киселев В. С. Бронзовый век СССР // МИА. 1965. Вып. 130. С. 57—60.

ражен в материалах, известных в археологической литературе как минусинские (верхнеенисейские) и алтайские древности (табл., № 67, 71—74). Карабускую культуру на Енисее сменила тагарская, пережившая ряд этапов (названа по Тагарскому о-ву близ Минусинска). Относительная датировка — VIII—II вв. до н. э.⁶¹

Особенно яркие и большие материалы происходят из многих тагарских курганов, расположенных в различных частях по Енисею — в районе Красноярска и Минусинской котловины. Инвентарь погребений включает массу предметов различного назначения, выполненных главным образом из меди, бронзы и железа, представленных сериями.

С территории Красноярско-Ачинского р-на известны бронзовые и медные удила с округлыми и стремянвидными концами (VII—VI вв. до н. э.). Отдельные изделия сохраняют следы литейного брака.

С своеобразны медные миниатюрные кинжалы длиною от 7 до 11 см и чеканы, раскопанные В. И. Анучиным в с. Сухо-Бузимском. Это модели настоящих орудий, характерные для курганов позднетагарского времени — IV—III вв. до н. э. (табл., № 71).

Большой интерес представляют три бронзовых котла скифского типа, среди которых выделяется котел на поддоне высотою 29 см. В верхней части, на самом венчике, симметрично расположены две ручки в виде скульптурных фигурок горных козлов в величавой позе. Тулово украшено рубчато-валиковым орнаментом (VII—VI вв. до н. э.) (табл., № 73, кол. 3909).

Памятники Минусинской котловины этого времени представлены также разнообразными материалами погребений, относящимися к V—IV вв. до н. э. (табл., № 72). Они включают группу медных топоров-кельтов двуручных и без ушек, с орнаментом и без него. Имеются медные серпы изогнутой формы с пропсверлиной (иногда двумя) на рукоятке. Большим числом представлены шилья, иглы, зеркала. К охотничьему оружию относятся наконечники стрел — костяные и бронзовые скифского типа. Многочисленны и разнообразны серии ножей и мечей различных типов. Отметим меч с брусковидным навершием и бабочковидной крестовиной скифского типа из Соль-Озерной (V в. до н. э.). Серией представлены кинжалы, навершие у которых выполнено в виде скульптурных изображений животных (медведь) и птиц (грифон).⁶² Медный кинжал из с. Анаш завершается двумя головами грифонов, обращенных друг к другу (V в. до н. э.). Другой кинжал изготовлен из железа (с. Трифоново). Он имеет навершие в виде голов грифонов и на крестовине изображение волков.

Из погребений тагарского времени происходит множество украшений от поясов, а также застежки, булавки, пряжки. На отдельных бляшках передано изображение головы орла. Полая подвеска из бронзы также имеет на обеих сторонах изображение птицы. К первоклассным произведениям искусства племен тагарской культуры относятся оленная бляшка и фигурка барана, выполненные в скифо-сибирском стиле. Бронзовое украшение сошатого, передающее его в галопе, а может быть плывущего, служило украшением на одежде. Фигурка барана прекрасной работы (с. Тесь) изготовлена в реалистической манере. Хорошо сохранилась эмаль. Высота изделия 5,3 см. Не исключено, что фигурка барана, как можно судить по аналогичным изделиям, являлась навершием на стойке деревянного погребального ложа. Такие фигурки характерны для культуры других народов скифского мира в IV—III вв. до н. э., причем для курганов знати.⁶³

Большой интерес представляют материалы ранних кочевников Алтая (табл., № 74). Одна их часть, относящаяся к VII—III вв. до н. э., собрана

⁶¹ Алексеев В. П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сб. МАЭ. 1961. Т. 20. С. 238—327; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 299 с. с ил.; Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры: Автореф. дис. . . канд. ист. наук: 578. Л., 1972. 28 с.

⁶² Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифского искусства // Сообщ. ГЭ. Л., 1962. Вып. 22. С. 30—35.

⁶³ Вадгкая Э. Б. Сказы о древних курганах. Новосибирск, 1981. С. 86—87.

Л. И. Шренком, организатором первых экспедиций на Амур, в разных местах Киргизской степи (р. Чуя, д. Карпинская). Это многочисленные металлические изделия из меди и бронзы — кельты, ножи, украшенные в рукояточной части геометрическим орнаментом, ножи неорнаментированные, шилья разных типов. Земледельческие орудия представлены серпами изогнутой формы. Охотничье оружие включает костяные наконечники стрел, бронзовые трехгранные скифского типа наконечники копий (двуручный — втульчатый), имеются футляры (наперстки) для пальца, употреблявшиеся при стрельбе из лука (V—IV вв. до н. э.). К боевому оружию относятся кинжалы, чекан с каннелированным орнаментом на обушке (длина 12 см). Найдены конской упряжи: псалии двудырчатые, изогнутые, а также с тремя отверстиями для ремней, удила (VII—V вв. до н. э.) — свидетельствуют о возросшей роли коневодства. Украшения этого времени представлены изделиями из серебра (брошь) и из золота (шпилька, кольцо, брошь филигранной работы). К предметам культового назначения относится каменный (альмандин) амулет. Выделяется бронзовая подвеска, на которой имеется изображение охотника-воина, стреляющего из лука. Многие предметы из погребений украшены объемными изображениями животных в скифо-сибирском стиле.⁶⁴ Так, небольшой втульчатый топорик (V—IV вв. до н. э.) в обушковой части украшен стилизованным изображением грифона, излюбленным образом алтайского звериного стиля.⁶⁵

Другая часть материалов по ранним кочевникам происходит из раскопок курганов А. В. Адрианова в начале века в Майэмирской степи (Юго-Восточный Алтай) — по рекам Майэмир и Бухтарме. Этот комплекс принадлежит к памятникам майэмирской культуры (майэмирский клад).⁶⁶

Отличительной особенностью обеих коллекций является наличие предметов из золота (украшения), а также пластинок листового золота с тисненым изображением животных.

К памятникам железного века Алтая, связанным со скифо-сибирской группой культур, относятся первая находка Н. С. Гуляева (в 1910 г.) — фрагмент медной проволоки с золотой обкладкой (браслет ?), переданный в дар музею, и материалы раскопок им пяти курганов на городище Большая Речка, на правом берегу Оби, в ее верховьях. Именно с первых раскопок Гуляева в 1912—1913 гг. Большереченского городища начинается систематическое изучение лесостепной части Алтая (табл., № 77): Могильный инвентарь включает бронзовые и железные предметы, керамику. Бронзовые изделия представлены иглами, ножами, втульчатым наконечником стрелы, а также украшениями (пряжка, бляшки округлой формы), в том числе украшениями конской сбруи (фигурные бляшки); сохранилась часть убранства конской узды: бронзовые бляшки, пряжки и остатки ремня узды. Большим числом представлены железные изделия, которые превалируют над бронзовыми. К ним относятся топоры-кельты, ножи (на одном сохранились остатки ткани), мечи, стрелы листовидной формы раннего типа и трехлопастные, классические, наконечники копий, удила. Украшения состоят из серебряных изделий (колечки небольших размеров) и бронзовых (подвески). Из погребений происходят глиняные круглодонные и плоскодонные (баночной формы) сосуды, имеющие, как правило, небольшие размеры. Керамика отражает две категории посуды — неорнаментированную и орнаментированную (ямочный узор, штамп, жемчужины, вдавленный). Обычно украшена лишь верхняя часть тулона. По материалам Н. С. Гуляева и дополнительным исследованиям М. П. Грязнова была выделена культура, названная большереченской (VI—I вв. до н. э.).⁶⁷ Важно, что Гуляевым был собран краинологи-

⁶⁴ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М., 1953. 404 с.; Он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

⁶⁵ Кубарев В. Д., Черемисин Д. В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 86—100.

⁶⁶ Баркова Л. Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // Сб. ГЭ. 1983. Вып. 24. С. 20—31.

⁶⁷ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби // МИА. М.; Л., 1956. Вып. 48. С. 5—160; Троицкая Т. Н. Культуры скифо-сибирского круга в лесостепном Приобье // Проблемы древних культур Сибири. С. 104—115.

ческий материал, позволивший специалистам судить о физическом типе населения большереченской культуры.⁶⁸

Характеристику тагарской эпохи дополняют эстампажи писаниц, собранных А. В. Адриановым и поступивших в 1914 г. (кол. 2415, 2508, 2777). Интерес представляют композиционные изображения на Куинской писанице и Ураки из Минусинской котловины. В результате анализа изображений (поз фигур оленей, различных деталей) М. А. Дэвлет пришла к заключению об отсутствии аналогий в местных бронзовых изделиях и о связях тагарских племен Енисея с населением Передней Азии и Алтая в скифское время.⁶⁹

Интерес представляют сборы материалов, относящихся к I тысячелетию н. э., ко времени существования государства тюрков и кыргызов на Алтае и Енисее (VI—XII вв. н. э.). Материал происходит, очевидно, как с поселений кузнецов, так и из курганов-чаатасов. Среди сборов — железные лемехи, жернова, шлаки, крицы. Большим числом представлены характерные для воинов этого времени стремена, крупные железные трехлопастные с отверстиями в лопастях стрелы, так называемые свистунки (табл., № 65, 67, 71—73).⁷⁰

Эпоха бронзы территории Иркутской обл. и Прибайкалья почти не представлена, если не считать отдельных нескольких находок бронзовых топоров-кельтов «таежного» типа (табл., № 86).

Дальнейший прогресс в развитии хозяйства и культуры древнего населения районов Восточной Сибири — Прибайкалья, Забайкалья и Приморья раскрывают материалы эпохи железа. Значительный интерес представляют небольшие материалы по Забайкальской обл., в частности территории Бурятии, характеризующие степное кочевое и полукочевое население этого региона — гуннов (III в. до н. э.—первые века н. э., гунно-сарматское время). Сборы Г. М. Осокина в конце XIX в. в районе г. Кяхты, около Гусиного озера, представлены исключительно украшениями, происходящими из гуннских погребений (табл., № 92). Здесь имеются подвески из халцедона, браслет-кольцо халцедоновое и серия различных бус — каменных (38 шт.), цветных из камня (9 шт.), костяных глазчатых (14 шт.), пастовых (19 шт.), янтарных. Еще одно местонахождение дало лишь керамический материал (обломки сосудов). Оно связано с гуннским погребением и известно по находкам на р. Уде (правый приток Селенги) в Худунской впадине (табл., № 31). Материалы по культуре гуннов имеют прямое отношение к этногенезу алтайских народов.

Большой научный интерес представляют материалы эпохи железа Прибайкалья — докурумчинской и курумчинской культур. Сборы А. П. Окладникова во время разведки 1928 г. на о-ве Кочерга, на Ангаре, в 30 км выше Иркутска, содержат керамику докурумчинского поселения, датируемого II в. до н. э. — V—VI вв. н. э. (табл., № 13).

Материалы, характеризующие курумчинскую культуру, были получены Б. Э. Петри во время работ Байкальской экспедиции в 1913 и в 1916 гг. Они происходят из ряда местонахождений в Иркутской обл. (Манзурка), в Кудинской степи (улусы Боройский, Шохтой), в долине р. Куды (улус Тотхон) и в Прибайкалье (Межовка). Материалы поселений принадлежат населению, известному в науке как племена курыканов, или «курумчинские кузнецы» (V—XI вв. н. э.),⁷¹ и содержат глиняную посуду (курыканская керамика), пряслица, костяные и железные стрелы, деревянные предметы, а также остатки сопл, шлаков.

⁶⁸ Хранится в отделе этнической антропологии Ин-та этнографии АН СССР, кол. 4013.

⁶⁹ Вяткина К. В. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сб. МАЭ. М.; Л., 1961. Т. 20. С. 188—237; Дэвлет М. А. О культурных связях тагарских племен // МИА. М., 1965. Вып. 130. С. 240—244. Черняева О. С. Петроглифы скифского времени бассейна Среднего Енисея: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук: 07.00.06. Кемерово, 1985. 18 с.

⁷⁰ Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. 205 с.; Он же. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.; Длужневская Г. В. Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX—XII вв.): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1985. 17 с.

⁷¹ Савинов Д. Г. Енисейские кыргызы и курыканы: (к вопросу об историко-культурных связях) // Проблемы реконструкции в этнографии. Новосибирск, 1984. С. 55—62.

Материалы докурумчинской и курумчинской культур приобретают важное значение при изучении вопросов, связанных с этногенезом якутов и бурят (табл., № 85—90). Интерес представляет письмо политических ссыльных к Б. Э. Петри (кол. 2283, опись). В нем приведен рассказ местных жителей о бурятах и их предках мунгалах (монголах) и о том, что они не знали огнестрельного оружия, а пользовались каменными и железными стрелами.

Как говорилось выше, материалы эпохи железа с территории Приморского края включают большие сборы, полученные А. П. Окладниковым во время археологической разведки 1935 г. по Амуру. Среди них — комплексы культур раннего железного века (I тыс. до н. э.—первые века н. э.) — урильской и польцевской. К урильской культуре (Х—IX вв. до н. э.) относятся материалы С. М. Широкогорова, собранные в 1916 г. на о-ве Урильском, расположенным на Амуре (табл., № 105). Они включают каменные орудия, железные предметы и лепную керамику с сетчатым орнаментом, характерную для амурской зоны. К польцевской культуре относятся стоянки около Хабаровска, представленные лепной керамикой желто-бурого цвета, украшенной линейным и резным узором (VII в. до н. э.—первые века н. э.).

Говоря о других памятниках позднего времени, открытых известной Амурской экспедицией, следует назвать материалы начала нашей эры, в частности характерную керамику с навесным валиком-карнизиом. Такая посуда была найдена на р. Табах, в пади Большой Дурал, на о-ве Сучу, у с. Рыбалка, у с. Нижне-Тамбовское, у Петропавловского озера. При дальнейших исследованиях керамику аналогичного типа специалисты отнесли к мохэскому типу и датировали ее наряду с другими данными культуры мохэских племен VI—VIII вв. н. э.⁷² Амурская коллекция А. П. Окладникова содержит и материалы более позднего периода — средневековья. Они включают станковую керамику серого цвета, а также лепную с налепным валиком по венчику сосуда, характерную для чжурчженской культуры, генетически связанной с мохэ и являющейся наряду с ней основой формирования тунгусо-маньчжурских народов Приамурья.

К эпохе раннего средневековья (Х—XII вв. н. э.) относятся материалы, происходящие из окрестностей Хабаровска. Прежде всего это инвентарь могильника Грязнуха, расположенного на левом берегу Амура, между Пемзенским заливом и р. Грязнухой (табл., № 98). В 1913 г. здесь вели раскопки директор Хабаровского музея, известный исследователь дальневосточного края, путешественник и этнограф В. К. Арсеньев. Переданный в 1914 г. в дар музею могильный инвентарь представлен целыми глиняными сосудами, бронзовыми изделиями — пластины с прорезями и зубчатыми краями для кушака, бубенчиками, бусами из сердолика, браслетами из камня (разновидность халцедона), а также железными и костяными предметами. Временем раннего средневековья датируется материал, известный как Покровский клад (табл., № 103). Более ста предметов составляют одну категорию находок — поясные украшения из бронзы. Это прорезные бляшки, фигурные пряжки, подвески, среди которых есть подвески в форме желудей, круглые бубенчики. По манере исполнения они идентичны изделиям такого рода из Грязнухинского могильника. Следует отметить, что среди украшений встречены изделия, представленные фрагментами. Последнее обстоятельство ставит под сомнение прежнюю интерпретацию памятника как клада, так как наличие не целых предметов, а их частей свойственно могильникам. В настоящее время исследователи предполагают, что Грязнухинский могильник и Покровский клад, которые существовали в одно время и находятся в непосредственной территориальной близости, следует рассматривать как остатки одного комплекса-могильника раннего средневековья, времени чжурчженской культуры. Ранним средневековьем датируется материал из бывшего с. Элякса на левом берегу Тунгуски, собранный известным археологом и этнографом А. Н. Липским в конце 1930-х гг. (табл., № 108).

Значительны материалы яркой древнеберингоморской (древнеэскимской) культуры, полученные в результате работ экспедиции под руководством

⁷² Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975. 249 с. с ил.

С. Н. Руденко в 1945 г. на Чукотском п-ве (побережье Берингова моря).⁷³ Материал 18 коллекций происходит из 13 местонахождений древних эскимосских стойбищ, относящихся к последним векам до нашей эры и к началу нашей эры, а также получен у современных эскимосов.

Поселения арктического побережья Азии принадлежат предкам эскимосов — охотникам на морского зверя, белого медведя, северного оленя, а также рыболовам. Материалы этих поселений изобилуют предметами домашнего обихода (ножи, скребки), предметами охотничьего вооружения (лук, каменные наконечники стрел, гарпуны, специальные ледовые пешни). Многие предметы выполнены из камня древнейшим способом (оббивка, отжим). По уровню материальной культуры они относятся к памятникам так называемого пережиточного неолита, хотя хронологически занимают место среди памятников железного века (табл., № 109). Многие предметы поселений и могильный инвентарь обнаруживают поразительное сходство с аналогичными вещами, бытующими ныне у эскимосов Чукотки, Гренландии, Аляски и Канады.

Заканчивая обзор древних культур Сибири по археологическим материалам МАЭ, отметим, что задача работы — впервые дать полную сводку сибирского собрания, а также специфика источника потребовали акцентировать внимание именно на фактологической базе. Что касается научной интерпретации археологических находок и комплексов, то при таком значительном их количестве, к тому же при наличии коллекций, содержащих материалы как разновременные, так и синхронные, но различной культурно-исторической принадлежности, она сознательно не приводится, ибо это — компетенция специалистов. Естественно, что мы ограничились лишь краткой информацией о материалах коллекций, причем достаточно изученных памятников.

Важное научное значение всех материалов по Сибири заключается в том, что они отражают древние культуры различных районов и являются неисчерпаемым источником для изучения материальной и духовной культуры, особенностей хозяйства, различных промыслов древнейшего населения азиатской части СССР. Эти бесценные материалы, полученные путем раскопок и сборов исследователями (И. Т. Савенков, Л. Я. Штернберг, Б. Э. Петри, И. С. Поляков, П. Е. Островских, В. Н. Толмачев, Л. И. Шренк, В. В. Радлов, В. К. Арсеньев, М. М. Герасимов, В. Н. Чернецов, А. П. Окладников, С. И. Руденко и др.), а также переданные в дар Археологическому хранилищу МАЭ, служили и продолжают служить для воссоздания древнейшей истории нашей страны. Эти материалы наряду с новыми методическими приемами и в свете новых открытий помогают детальной разработке узловых проблем первобытной истории. С другой стороны, в современной культуре многих сибирских народов прослеживается связь с культурой и палеоэкономикой древнего населения этой территории. Достаточно упомянуть орнамент на фигурках из бивня мамонта и меховую одежду эскимосов, амурскую плетенку и орнамент нивхов, орнамент на керамике Улан-Хады и мотивы в современной одежде эвенков, глиняные фигурки медведя и медвежий культ, образы птиц (грифон, орел) в металлической пластике древних и современных хакасов, бурят.

Как видно, археологические коллекции МАЭ, являясь богатейшим палеоэтнографическим материалом, приобретают принципиальное значение при исследовании сложных этногенетических процессов самобытных сибирских народов.

⁷³ Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1947. 132 с. с ил.

КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛА МАЭ ПО СИБИРИ

№ п/п	Памятник	Географическое местоположение	Номер коллек- ции	Количество *	Год сбора	Происхождение материала, год поступления	Культурная принадлежность, датировка **
I. ПОЗДНИЙ (ВЕРХНИЙ) ПАЛЕОЛИТ							
Восточная Сибирь: реки Енисей, Ангара; Приморье							
1	а) Афонтова Гора I, III	Красноярск	234 274 276 278 279 281 897	6/6 (№ 1—4) 19/110 17/18 34/35 20/22 94/121 108/108	1894 1895 1895 1895 1895 1895 1895	Разведка и раскопки И. Т. Савенкова. Дар 1894, 1895, 1914 гг.	Афонтовская культура 18—14 тыс. лет назад
2	б) Афонтова Гора III Бирюса (Усть-Бирюсинское)	Красноярск, окрестности, устье р. Бирюса	3298 5058 5059	906/915 205/301 1279/2011	1914 1926 1927	Раскопки Н. К. Ауэрбаха и В. И. Тромова. Дар о-ва изучения Сибири и ее производительных сил и Среднесибирского отдела РГО	Ранний неолит, IV тыс. до н. э. (слой А). Мезолит, VI—V тыс. до н. э. (слой В). Афонтовская культура (слой С)
3	а) Кокорево I (Забочка) б) Кокорево II (Тележинский Лог) в) Кокорево III (Каменный Лог) г) Кокорево IV д) Переселенческий пункт Мальта	Красноярский край, Новоселовский р-н, с. Кокорево	5409	522/752	1925 1928	Раскопки Г. П. Сосновского. Передача ГАИМК, 1936 г.	Кокоревская культура
4		Иркутская обл., Усольский р-н, с. Мальта	5406 5412	465/1356 1055/4621	1932 1934	Раскопки М. М. Герасимова. Передача ГАИМК, 1935—1936 гг.	Мальтинско-буретская культура, 24—22 тыс. лет назад
5	Устиновка	Приморский край, Кавалеровский р-н, д. Устиновка	6171	57/157	1954	Сборы В. Ф. Петруnia, геолога. Дар	Поздний палеолит—мезолит, 20—10 тыс. лет назад (мастерская)
II. НЕОЛИТ							
Восточная Сибирь: Красноярский край, р. Енисей							
6	Базаиха, дюнная стоянка, могильник	Красноярск, д. Базаиха	234 274	6/6 (№ 5) 19/110 (№ 5—9, 14, 18, 19)	1894 1895	Сборы и раскопки И. Т. Савенкова	Среднеенисейский неолит (середина III тыс. до н. э.)

		275	211/211	1895	Дар 1894—1895 гг.	
		277	36/232	1895	(№ 1—10, 12)	
		280	6/116	1895	(№ 4)	
		282	130/140	1895		Развитой неолит (IV—III тыс. до н. э.)
		283	106/410	1895		Китайское время (III—II тыс. до н. э.)
		284	69/785	1895		
		285	3/3	1895		
		1259	27/30	1884— 1885	Дар 1908 г.	
		2385	1/1	—		
Дудинка	Р. Енисей, с. Дудинка, Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. окр.	2204	2/2	1911	Сборы С. С. Семченкова. Дар 1913 г.	Неолит
Енисей	Р. Енисей	1519	24/24 (№ 1—16)	—	От ИРГО 1907 г.	»
Красноярск	Красноярск, окрестности	420	1/1	—	От Стемневского, окружного горного инженера. Дар 1898 г.	Поздний неолит
		1823	7/7	—	От Геологического музея. Дар 1911 г. (через И. П. Толмачева)	Неолит
		С. Аиаш	2386	1/1	Поступила в 1914 г.	»
		2389	25/25	—	От Л. А. Ячевского. Дар 1914 г.	Железо, неолит
		4041	53/53	1913	От А. К. Дингильштета. Дар 1930 г.	Бронза, среднеенисейский неолит (финал)
Ладейки	Красноярск	4084	130/130	1905	Поступила в 1930 г.	Железо, неолит
		4136	37/70 (11—37)	—	От Каргополова. Дар 1911 г.	Среднеенисейский неолит (се- редина III тыс. до н. э.)
Нижняя Тунгуска	Р. Нижняя Тунгуска (Эвенкийский авт. окр.)	1158	4/4	—	От И. П. Толмачева. Дар 1907 г.	Неолит
Хатанга	Красноярский край, с. Хатанга, Таймыр- ский (Долгано-Ненец- кий) авт. окр.	4700	31/46	1945	Сборы А. П. Окладникова. Дар 1946 г.	Поздний неолит
Восточная Сибирь: р. Ангара, Прибайкалье						
Ангара	Р. Ангара, Братский Камень, с. Заярск, о-в Кочерга	6309	52/55	1928, 1937	Разведка А. П. Окладникова. Дар 1938 г.	Серовский этап (III тыс. до н. э.), докурумчинская культура (II в. до н. э.— V в. н. э.)

* Числитель — количество номеров в коллекции, знаменатель — количество предметов.
** Датировка приводится при наличии точных сведений.

Продолжение

№ п/п	Памятник	Географическое местоположение	Номер коллек- ции	Количество *	Год сбора	Происхождение материала, год поступления	Культурная принадлежность, датировка **
14	Иркутск	Иркутск, окрестности	802 1554 2396 4002	34/34 1/1 28/28 216/501	1901 — — 1912	От Н. И. Холодовского, генерала. Дар 1904 г. От ИРГО. Дар 1907 г. От Общества изучения Сибири. Дар 1913 г. Сборы А. Цветкова, Б. Волкова, Гервасиевых. Дар 1929 г.	Китайское время (III—II тыс. до н. э.), погребение? Серовский этап Серовский этап (III тыс. до н. э.), погребение Курыканы, неолит (серовский этап)
15	Куда	Иркутская обл., р. Куда	2260	7/7	1912	От Русского комитета. Командировка Б. Э. Петри	Курыканы, неолит
16	Кузьмиха	Иркутская обл., р. Ангары	2613	105/105	1916	От Б. Э. Петри, Байкальская экспедиция	Курыканы, неолит (китайский этап)
17	Межевка	То же	2596	86/86	1916	То же	Курыканы, китайский этап — глазковский (VIII—VII слой Улан-Хады) Неолит (серовский этап)
18	Ольхон	Оз. Байкал, о-в Ольхон	2581	50/50	—	От Н. К. Тихомирова. Дар 1915 г.	Неолит
19	Ордынский	Иркутская обл., пос. Ордынский	4094	20/20	1909	От Н. Н. Беляева. Дар 1913 г.	Позднесеровский этап (вторая половина III тыс. до н. в.)
20	Песчаная № 1	Оз. Байкал	2224	40/129	1913	От Русского комитета. Командировка Б. Э. Петри	To же
21	Песчаная № 2		2624	325/445	1916	От Б. Э. Петри, Байкальская экспедиция	Неолит (серовский этап)
22	Сибирь	Сибирь	1456	1/1	—	От ИРГО. Дар 1907 г.	Курыканы, бронза: шиверский этап (1200—800 гг. до н. э.), глазковский этап; неолит: китайский, позднесеровский, «бескерамический» неолит (хиньский этап)
23	Улан-Хада	Оз. Байкал	2041 2225 2226	487/655 183/183 4225/4225	1912 1913 1913	Раскопки Б. Э. Петри От Русского комитета, Байкальская экспедиция	Неолит (серовский этап)
24	Усть-Орда	Иркутская обл., Усть-Ордынский Бурятский авт. окр.	2205	1/1	1913	Байкальская экспедиция Б. Э. Петри. От Русского комитета. Дар 1913 г.	Неолит
25	Царь-Девица	То же	2612 3999	25/25 82/82	1916 1911	Байкальская экспедиция Б. Э. Петри Сборы Гервасиевых. Дар 1929 г.	Неолит (серовский этап) Ранний неолит

26	Чадобец	Иркутская обл.	1267	14/14	—	От Имп. Арх. комиссии. Дар 1908 г.	Железо, бронза, неолит
			3733	16/16	—	От Н. В. Петровской. Покупка 1928 г.	
			6471	28/28	1945	Сборы А. П. Окладникова. Дар 1950 г.	
27	Ширма	Иркутская обл., д. Ширма, р. Илим	5695	67/136	—	Сборы М. Я. Черемных. Покупка 1938 г.	Серовский этап (III тыс. до н. э.)
З а б ай к а лъе. Б у р я т с к а я А ССР							
28	Горемыки	Иркутская обл., с. Горемыки	734а	26/26	1902	Сборы Н. Н. Панова, врача. Дар	Бронза, неолит
			734б	46/46	—	Сборы В. Н. Сухачева. Дар 1915 г.	
			2460	2/2	—	Раскопки А. В. Вознесенского, директора Иркутской магнитной обсерватории. Дар 1909 г. Через А. П. Герасимова	
			1365	124/124	—	Сборы И. С. Полякова. От ИРГО. Дар 1907 г.	Сер. II тыс. до н. э.; И. н. э.; неолит (серовский этап)
29	Иван	Чита, окрестности, оз. Иван	3210	35/105	1925	От Виноградова и Оболенского. Забайкальская экспедиция	Железо, неолит
30	Тунка	Иркутская обл.	1615	7/7	—	Сборы И. С. Герасимова. Дар 1929 г.	Неолит
			3999А	104/104	1911	Сборы Н. А. Флоресисова. От Восточно-Сибирского филиала Ин-та геологии АН СССР. Передача 1954 г.	»
31	Худунская впадина	Р. Уда (правый приток р. Селенги)	6106	21/60	1953	Сборы Н. А. Флоресисова. От Восточно-Сибирского филиала Ин-та геологии АН СССР. Передача 1954 г.	Гунны (погребение), III в. до н. э.—первые века н. э. Неолит (китайский этап) (погребение)
Я к у т с к а я А ССР							
32	Амга	Р. Амга, приток Алдана	1107	1/1	1906	От В. Н. Васильева. Дар 1927 г. Хатангская экспедиция	Неолит (поздний)
33	Вилой	Бассейн р. Вилой	3554	69/69	1925—1926	Сборы В. В. Никифорова, врача санитарного отряда, и В. Н. Дорофеева. От Якутской экспедиции АН СССР. Дар 1927 г.	To же
			3731	5/5	—	От Титей, С. Пархоминой, М. Г. Ноговицына. Дар 1928 г.	»
			3911	20/20	1927	Сборы Г. Д. Махоткина. От Якутской экспедиции АН СССР. Дар 1929 г.	»

Продолжение

№ п/п	Памятник	Географическое местоположение	Номер коллек- ции	Количество *	Год сбора	Происхождение материала, год поступления	Культурная принадлежность, датировка **
34	Сюорар-ары	Р. Колыма Р. Алдан, о-в Сюорар-ары	170 3835	2/2 81/405	1928	От Б. Ф. Карабаровского, окружного исправника. Дар 1887 г. Сборы Н. Б. Кякшто. От Якутской комиссии АН СССР. Дар 1929 г.	Неолит (поздний) Неолит
35	Амур	Р. Амур, нижнее течение	5332	10 217/ 10 217	1935	Сборы и раскопки А. П. Окладникова	Средневековые. Раннее же- лезо
36	Кальма	Р. Амур, с. Кальма	5333 1768	8446/8591 35/37	1935 1910	То же Раскопки Л. Я. Штернберга	Неолит XVII в., раннее железо, неолит
37	Мариинское	Р. Амур, с. Мариинское	3553	2/2	—	Сборы И. И. Кузьминского, И. Иванова. Дар 1927 г.	Неолит
38	Патха	Николаевск-на-Амуре, р. Патха	69	20/20	1866	От Г. Пфейфера, медицин- ского инспектора Сибир- ской флотилии и портов Восточного океана	Средневековые, раннее же- лезо, неолит (нижнеамур- ская культура — III тыс. до н. э.)
39	Поярково	Благовещенск, окрестно- сти, р. Амур (среднее течение)	2648	3/3	—	Сборы Пачина. От С. М. Шир- окогорова. Дар 1917 г.	Средневековые, неолит
40	Чукчагирское оз.	Хабаровский край, р. Амгунь	5689	18/18	—	От А. П. Окладникова, 1939 г. Дар Цинциус	Раннее железо, поздний нео- лит
41	Туманско	Приморский край, с. Туманско	2405	1/1	—	Сборы А. Б. Максимцева. От Геологического музея. Дар 1912 г.	Неолит (III тыс. до н. э.)
Дальний Восток							
<i>O-в Сахалин</i>							
42	Александровка	О-в Сахалин, р. Дуйкай	565	109/109 (1—95)	1882	Сборы И. С. Полякова. От ИРГО. Дар 1907 г.	Охотская культура (I тыс. до н. э.)
43	Сахалин	О-в Сахалин, разные места	547 1818 656 1549 4451	132/182 198/198 62/86 1/1 25/26	1882 — 1882 — —	То же От Л. Я. Штернберга. Дар От ИРГО. Дар 1907 г. От ЛГУ, 1932 г.	Неолит (II тыс. до н. э.) Охотская культура (вторая половина I тыс. до н. э.) Неолит » »

Курильские о-ва

44	Итуруп	О-в Итуруп	6032	14/14	—	От А. Б. Киселева, ученика 46 шк., Астрахань. Дар 1952 г.	Неолит, II тыс. до н. э. (мастерская)
45	Курильские о-ва	Курильские о-ва	70	6/6	—	От Минералогического музея. Дар 1867 г.	Неолит (II тыс. до н. э.)

П-в Камчатка

46	Камчатка	П-в Камчатка, разные места	1304 1624	1/1 7/7	—	Регистрация 1910 г. Сборы А. Ф. Афанасьева, студента. Дар 1910 г.	Неолит »
47	Петропавловск-Камчатский	Петропавловск-Камчатский, окрестности	566	25/25	1890	Сборы О. Ф. Герца, Дар 1900 г.	»
48	Тарья	Авачинская губа, бухта Тарья	5180	43/43	1932	Сборы Н. А. Гурьева, 3-го помощника капитана. Покупка 1934 г.	Древнеитальменская культура, ранний этап («тарьянский»), I тыс. до н. э.

З а п а д н а я С и б и рь: Т о б о л ь с к о е П р и и р т ы ш ъ е

49	Демьянское	Тюменская обл., устье р. Демьянки	557	28/28	—	Сборы П. И. Пузика, земского заседателя. Дар. Передача И. С. Полякова в 1882 г.	Неолит—энеолит (III тыс. до н. э.)
50	Курган	Курган, окрестности	1545	1/1	—	От Ф. К. Руссова	Неолит (III тыс. до н. э.)
51	Тобольск	Тобольск, окрестности	1547	1/1	—	От ИРГО. Дар 1907 г.	То же

III. ЭПОХА БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА

З а п а д н а я С и б и рь: Т о б о л ь с к о е П р ии р т ы ш ъ е. Низовья р. Оби

52	Карымское городище	Ханты-Мансийский авт. окр., с. Карым	5123	14/144	1933	Раскопки В. Н. Чернцова	Вторая половина I тыс. до н. э., бронза (сузгунского типа)
53	Кушеват, поселение, могильник	Ненецкий авт. окр., г. Кушеват	3632	1249/1249	1926	Сборы Д. Н. Редрикова	Средневековье, раннее железо, энеолит—бронза
54	Лайтамак	Тюменская обл., с. Лайтамак	4922	53/134	1948	Разведка В. В. Храмовой. Передача 1952 г.	Бронза (сузгунского типа)
55	Сортынья II, стоянка, городище	Ханты-Мансийский авт. окр., р. Сев. Сосьва	6074	75/84	1935	От В. Н. Чернцова. Археологическая экспедиция МАЭ	Раннее железо (усть-полуйская культура), бронза, неолит (западносибирский лесной)
56	Сосьва I, II, стоянка, городище	Ханты-Мансийский авт. окр.	4456	82/490	—	Разведка В. Н. Чернцова. Поступление 1932 г.	Средневековье, железо (I тыс. до н. э.), бронза, неолит
57	Сузгун II (Алемасовское жертвеннное место)	Тобольск, с. Алемасовское	6571	22/22	1948 1950	Раскопки В. Н. Чернцова. Дар 1965 г.	Сузгунская культура (X—VIII в. в. до н. э.)

Продолжение

№ п/п	Памятник	Географическое местоположение	Номер коллекции	Количество *	Год сбора	Происхождение материала, год поступления	Культурная принадлежность, датировка **
58	Тобольск	Тобольск, окрестности	1973	29/29	—	Сборы С. К. Патканова. Дар 1912 г.	Железо (I тыс. до н. э.)
59	Усть-Полуй	Ненецкий авт. окр., Салехард	5331 5455	2514/6854 5007/11034	1935 1936	Раскопки В. С. Адрианова	Раннее железо, усть-полуйская культура (IV в. до н. э. — II в. н. э.)
	Обдорск	То же	3735	158/159	1926	Раскопки М. И. Штекелиса	Раннее железо, неолит—энеолит
60	Хулюм-сунт-Пауль	Р. Сев. Сосьва, Березовский р-н, Ханты-Мансийский авт. окр.	3345 4522	38/38 3/28	— —	Сборы В. Н. Чернецова. Дар 1926 г. Сборы В. Н. Чернецова. Дар 1932 г.	Железо (I тыс. до н. э.), неолит (III тыс. до н. э.)
61	Ямал, стоянки, могильник	П-в Ямал Новый Порт	4004 5408	432/432 15/59	1928 1932	Раскопки В. Н. Чернецова. Дар 1929 г. Сборы В. С. Адрианова	Неолит (середина III тыс. до н. э.) Первая половина II тыс. н. э. (так называемый «сирти» — досамоедский период), железо Железо (I тыс. до н. э.) — н. э.

Юг Средней Сибири: Хакасская АО

62	Кокорево	Хакасская АО, Новоселовский р-н, д. Кокорево	3815 3984	57/227 (№ 16—57) 30/220 (№ 15—21, 24—26)	1928 1929	Раскопки Г. П. Сосновского To же	Тагарская культура, карасукская культура To же
63	Орак	Хакасская АО, Чебаковский р-н, д. Орак	3815	57/227 (№ 1—15)	—	»	Андроновская культура
64	Тепсейская пещера	Р. Енисей, правый берег, Тепсейская гора	3343 1462	22/40 7/7	1926 —	Поступление 1926 г. От Русского комитета, через Адрианова, студента. Дар 1909 г.	» Раннее железо
65	Усть-Биджа	Улус Усть-Биджа	2377	4/4	—	От Г. И. Кыштымова. Дар 1914 г.	Кыргызы (VI в.)
66	Черная	Хакасская АО, Новоселовский р-н, д. Черная	3984	30/220 (№ 1—14, 22, 23, 27—30)	1929	Раскопки Г. П. Сосновского	Тагарская культура, карасукская культура

Р. Енисей: Красноярский край и Минусинская котловина							
67	Ачинск	Ачинск, окрестности	58	33/36	1850— 1851	От В. Титова, коллежского советника. Покупка 1864 г.	Тагарская культура, карасукская культура
			330	30/30	—	От ИРГО. Дар 1896 г.	Кыргызы, бронза
			1434	25/25	—	Сборы П. А. Перщетского. Дар 1909 г.	Бронза
68	Базаиха («Базайские пески»)	Божье Озеро Красноярск, окрестности р. Собакина	1809	13/13	—	Сборы П. А. Теплова, Дар 1930 г.	Тагарская культура
			4001	128/177	1914	Сборы К. и Л. Кузнецовых и А. Трифахина. Дар 1929 г.	Бронза
			4003	156/159	1914	Сборы И. Т. Савенкова. Поступление 1929 г.	Бронза, неолит
69	Глафиринский рудник	Красноярский край	3937	3/3	1915	Сборы П. Коновалова. Дар 1929 г.	Поздняя бронза, ранее же-лезо
70	Енисей	Р. Енисей	4000	90/91	—	Сборы П. Коновалова. Дар 1929 г.	Бронза — железо
			4133	13/13	1885	Раскопки А. В. Яковleva, горного инженера. От Морского корпуса. Дар 1930 г.	Железо
71	Красноярск	Красноярск, окрестности	240	287/287	1890— 1894	Сборы П. Е. Островских, студента. Покупка 1894 г.	Кыргызы, тагарская культура, карасукская культура, неолит
			252	401/695	1894	То же	Кыргызы, тагарская культура, бронза
		С. Кардачины	1450	1/1	1871	Доставлено А. Ф. Ивановым. От ИРГО. Дар 1907 г.	Железо
		С. Сухо-Бузимское	1040	110/110	1903	Раскопки В. И. Анушина. От Имп. Арх. комиссии. 1906 г.	Тагарская культура
			1705	472/490	—	От В. Я. Толмачева. Покупка 1910 г.	Кыргызы
72	Минусинск	Минусинск, окрестности	50	3/3	—	От Быстрова, священника. Дар 1862 г.	Тагарская культура, карасукская культура
			228	1/1	—	От Минусинского музея. Чрез И. Т. Савенкова (1893 г.)	Железо
			1298	70/70	—	От Минусинского музея. Дар 1896 г.	»
			1523	7/7	—	Сборы Н. С. Щукина. От ИРГО. Дар 1908 г.	Тагарская культура, ка-расукская культура
			1806	6/6	—	От И. Мокеева, студента Сиб. университета	Карасукская культура
		С. Ср. Шуп	1922	2/2	—	От Л. А. Ячевского, члена Геол. комитета. Дар.	Кыргызы
							»

Продолжение

№ п/п	Памятник	Географическое местоположение	Номер коллек- ции	Количество *	Год сбора	Происхождение материала, год поступления	Культурная принадлежность, датировка **	
73	Из старых коллекций	Сибирь	Д. Означенное	2430	5/5	—	Сборы Я. С. Эдельштейна. От Лазарета нормальной школы (покупка)	Карасукская культура
			4085	134/134	1913	—	От Л. Д. Лаппо, члена экспедиции О-ва изучения Сибири. Покупка 1930 г.	Киргизы, бронза
			2801	1/1	—	—	От Л. Я. Штернберга. Дар 1921 г.	Карасукская культура
			5299	3/3	1905	—	От А. Н. Чуканова, геолога. Дар 1935 г. (через К. В. Вяткину)	Киргизы, тагарская культура
			5692	12/12 (№ 10—12)	—	—	От Е. Е. Тевяшова. Покупка 1938 г.	Карасукская культура
			1519	24/24 (№ 17—23)	—	—	От ИРГО	Тагарская культура, андроновская культура (XIII—XII вв. до н. э.)
			1575	21/26	1888— 1907	—	От разных лиц, из Эрмитажа	Киргизы
			1612	1/1	1849	—	От Кастрэна. Покупка 1907 г.	»
			1769	6/6	—	—	—	Тагарская культура
			1824	1/1	—	—	От Азиатского музея. Дар 1911 г. (через Залемана, академика)	»
			3909	7/7	—	—	—	»
А л т а й, К у з б а с е								
74	Алтай	Алтай, разные места	35	111/111	1856	Сборы Л. И. Шренка	Тагарская культура, карасукская культура, андроновская культура	
75	Бийск	Майэмирская степь (клад)	2406	82/82	1911	Раскопки А. В. Адрианова	Майэмирская культура (VII—VI вв. до н. э.)	
		Бийск, окрестности, верховья р. Оби Томская обл.	1887	34/34	—	Сборы В. Мамонтова, горного инженера. Дар 1909 г.	Бронза—раннее железо	
76	Бобровка	Барнаул, Топчихинский р-н, с. Большая Речка	3256	1/1	—	Сборы М. Н. Антонова. Дар 1926 г.	Неолит (?)—бронза	
77	Большереченское горо- дище, могильник	Барнаул, Топчихинский р-н, с. Большая Речка	1674	1/1	—	От Н. С. Гуляева. Дар 1910 г.	Большереченская культура VI—V вв. до н. э.—II—I вв. до н. э. (ранний же- лезный век)	
			3750	154/269	1912— 1913	Раскопки Н. С. Гуляева. Дар 1929 г.		

78	Выдриха	Алтай, с. Выдриха	1522	5/5	1862	Из Барнаульского музея. От ИРГО. Дар 1906 г.	Поздняя бронза и ранний железный век
79	Каменушка	Кузнецк, р. Каменушка (приток р. Томи)	4640	1/1	—	Сборы В. И. Яворского. Дар 1932 г.	Ранний железный век (I тыс. до н. э.)
80	Кузнецк	Кузнецк, р. Томь	3751	43/43	—	Сборы Н. Дыренковой. Дар 1928 г.	То же
81	Курья	Алтай, д. Курья, р. Чарыш	1440	1/1	—	Сборы Н. С. Гуляева. От ИРГО, 1907 г.	»
82	Томск	Томск, окрестности	57	30/34	—	От Бекмана, генерал-майора. Дар 1864 г.	Железо, карасукская культура
			3749	5/5	—	Сборы А. А. Отургашева. Дар 1928 г.	Железо
83	Тингу	Алтай, оз. Тингу	1596	1/1	—	От Аллаева, майора. Дар 1804 г.	Ранний железный век (I тыс. до н. э.)
84	Чумыш	Р. Чумыш	1263	1/1	1903	Сборы Ф. Н. Чернышева, академика. Дар 1908 г. (через В. В. Радлова)	То же

Иркутская область. Прибайкалье

85	Байкал	Оз. Байкал	2622	228/228	1916	Раскопки Б. Э. Петри. Байкальская экспедиция	Докурумчинская культура
86	Глазково	Иркутская обл.	3996	13/13 (№ 11)	1933	От Е. Е. Тивякова. Дар 1929 г.	Бронза (?)
87	Илим	Р. Илим	5297	57/57	1933	Сборы М. Я. Черемных. Дар 1935 г.	Курумчинская культура (V—XІ вв. н. э.)
88	Иркутск	Иркутск, окрестности	3908	1/1	1912	От Козьмина, Киселькова. Дар 1929 г.	XVIII в.
			4051	25/29	1907	От Н. П. Глушкова. Дар 1930 г.	Курыканы (курумчинская культура)
89	Кудинская степь	Иркутская обл.	2037	119/119	—	Сборы Б. Э. Петри. Дар 1912 г.	То же
		Улус Шохтой	2417	1/1	—	Сборы Б. Э. Петри, от Русского комитета. Дар 1913 г.	»
			2384	1/1	—	От Н. Хатуева. Покупка 1914 г.	»
		Улус Тотхон	2623	277/277	1916	Раскопки Б. Э. Петри, Байкальская экспедиция	»
90	Манзурка	Иркутская обл., с. Манзурка	2283	5/5	1913	Командировка Б. Э. Петри. От Русского комитета. Дар 1914 г.	Курыканы
91	Ольхон	Оз. Байкал	2625	5/5	1916	То же	Средневековье (X—XII вв.)

Продолжение

№ п/п	Памятник	Географическое местоположение	Номер коллек- ции	Количество *	Год сбора	Происхождение материала, год поступления	Культурная принадлежность, датировка **
Восточная Сибирь: Бурятская АССР							
92	Кяхта	Кяхта	532	6/62	—	От Г. М. Осокина. Дар 1899 г.	Гунны (III в. до н. э.—пер- вые века н. э.), гунно-са- матское время
93	Улан-Удэ	Улан-Удэ, окрестности	5085	1/1	—	От Ю. И. Ледантю. Покупка 1933 г.	Поздняя бронза
Забайкалье							
94	Забайкалье	Забайкалье	2907	2/2	—	От В. Н. Позднеевой. Дар 1924 г.	» »
95	Конда	Р. Конда (приток Ви- тима)	63	76/98 (№ 1—9)	—		Позднее железо
96	Нерчинск	Нерчинск, окрестности	1865	3/3	1910	Сборы Н. Кичакова. Дар 1911 г.	То же
Якутская АССР							
97	Якутия		2651	2/2	—	От С. М. Широкогорова. Дар 1917 г.	»
Река Амур (среднее течение, низовья). Приморье							
98	Грязнуха, могильник	Хабаровск, окрестности	2394	246/246	1913	Раскопки В. К. Арсеньева. Дар 1914 г.	Раннее средневековье (X— XII вв.)
99	Гячи	Р. Амур (низовья), с. Гячи	4657	1/1	1936— 1937	От А. Н. Липского. Амур- ская экспедиция ИАЭ	Ранний железный век (I тыс. до н. э.)

100	Иннокентьевская	Р. Амур (среднее течение), ст. Иннокентьевская	2628	21/24	1914	Раскопки А. Н. Криштофовича. От Геол. комитета. Дар 1917 г.	Раннее средневековье
101	Кальма	Р. Амур (низовье), с. Кальма	1754	187/188	1910	Раскопки Л. Я. Штернберга	Ранний железный век
102	Красный Яр	Р. Амгууль, с. Красный Яр	1777	75/159	1910	То же	Польцевская культура (ранний железный век)
103	Покровка, клад	Хабаровск, окрестности	2664	104/104	—	Сборы М. А. Радищева. От Арх. комиссии. Дар 1917 г.	Раннее средневековье
104	Рыбалка Ченка	Р. Амур, между Верхне- и Средне-Тамбовским	4266	26/137	—	Сборы И. И. Козьминского. Дар 1931 г.	» »
105	Урильский	Р. Амур, о-в Урильский	4096	1207/4362	—	Сборы С. М. Широкогорова. Дар 1916 г.	Урильская культура (I тыс. до н. э.)
106	Чузмиф	Р. Амур (лиман), колхоз Чузмиф	6027	47/88	—	Дар 1951 г. через С. Н. Замятнина	Польцевская культура (I тыс. до н. э.)
107	Усть-Сидими	Приморский край, Хасандский р-н	565	109/109 (№ 96—109)	1882	Сборы И. С. Полякова	Янковская культура (первая половина I тыс. до н. э.)
108	Элякса	Хабаровск, окрестности	5693	37/37	—	От А. Н. Липского. Дар 1937 г.	Раннее средневековье

Д а л ь н и й В о с т о к : Ч у к о т с к и й п - о в (Ч у к о т с к и й а в т о н о м и й о к р у г)

109	Чукотка, поселения	Чукотский п-ов	4934	1098/1171	1945	Раскопки С. И. Руденко. Передача 1950 г.	Древнеберингоморская (древнеэскимосская) культура III в. до н. э.—первые века н. э.
	Сиреники		4935	133/133	1945	То же	То же
	Энмылен		4936	176/176	1945	Раскопки Лаврова	»
	Нунилгран-ныглу		4937	60/60	1945	От С. И. Руденко	»
	Валькар № 2		4938	68/68	1945	То же	»
	Валькар № 1		4939	184/184	1945	Раскопки С. И. Руденко	»
	Уэден		4940	170/170	1945	То же	»
	»		4941	216/289	1945	»	»
	Мыс Чаплина		4942	94/94	1945	»	»
	Авань		4943	43/43	1945	»	»
	Мыс Чаплина («ныглу»)		4944	116/116	1945	»	»
	Наукан		4945	63/75	1945	»	»
	Кивак		4946	36/36	1945	»	»
	Аракам-Чечен		4947	17/27	1945	»	»
	Яранч		4948	10/10	1945	»	»
	Мыс Дежнева		4949	21/21	1945	»	»
	Яндагай		4950	8/8	1945	»	
	Мыс Чукотский		4951	18/28	1945	»	
	Большой Пловер						